

И.М. ЭРЛИХСОН

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ ИДЕИ В БУРЖУАЗНО-ДВОРЯНСКОЙ УТОПИИ ЭПОХИ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1640–1660 годы)

XVII в. стал знаковым в исторических судьбах европейских государств и во многом определил ход мировой истории. В этом столетии страны Европы захлестнула волна революций и национальных восстаний: так, в 1640 г. Португалия отделилась от Испании, в 1648 г. Объединенные Провинции силой оружия окончательно добились признания своего суверенитета, в том же 1648 г. во Франции началось движение парламентской Фронды против королевского абсолютизма. Но именно Английская буржуазная революция традиционно рассматривается как некий рубеж, отделивший эпоху Средневековья от периода новой истории европейского общества. К. Маркс характеризовал события 1640–1660 гг. как революцию общеевропейского масштаба, “победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной”¹.

Успехи армии Кромвеля, казалось, навсегда подорвали идеологические основы абсолютизма, но даже самые радикально настроенные пуритане имели смутное представление о том, как должна была выглядеть и функционировать измененная политическая система. На конференции в Пэтни в 1646 г. агитатор Сэксби утверждал, что “сам Бог обрек королевскую власть на гибель”², но не предложил какой-либо альтернативы монархическому правлению. В кульминационном 1649 г. события развивались с максимальной скоростью: 4 января палата общин была провозглашена верховной властью в государстве, 30 января казнен английский король Карл I, 17 марта принят Акт об упразднении королевской власти, как “ненужной, обременительной и опасной для народного блага”, а 19 мая парламент принял Акт об установлении республики. Однако превращение Англии в республику на бумаге еще не означало установления в ней республиканского строя в его классическом понимании. Действительно, членов пресвитерианского парламента трудно было назвать республиканцами, так как их цель состояла не в установлении республиканского правления, а в ограничении властных полномочий монарха.

Выдающийся английский поэт и мыслитель Джон Мильтон писал, что на протяжении гражданской войны “парламенты Англии и Шотландии более семи раз предлагали перемирия, им (королем. – И.Э.) отвергаемые, на условиях, гарантирующих сохранение наших свобод и истинной религии”³. Необходимость разумного компромисса, казалось, осознавали все, кроме самого Карла I. В 1646 г. французский посол, готовившийся отправиться в ставку Карла I, получил следующие инструкции от первого министра Франции кардинала Мазарини: “Скажите Его Величеству, что наша цель – общий мир. Король должен прибыть в Лондон, чтобы вновь обрести Англию.

Эрлихсон Ирина Мариковна – кандидат исторических наук, докторант кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

¹ Маркс К. Буржуазия и контрреволюция. – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 6, с. 115.

² Puritanism and Liberty. Ed. by S. P. Woodhouse. London, 1938, p. 96.

³ Milton J. A Ready and Easy Way to Establish Free Commonwealth. – A Complete Collection of the Historical, Political and Miscellaneous Works of John Milton, v. 2. Amsterdam, 1698, p. 786.

Он должен пойти на компромисс с парламентом”⁴. Даже положения Акта об отмене монархии от 17 марта 1649 г. были сформулированы таким образом, что оставалась возможность восстановления власти короля, но в ограниченной форме, чем в дальнейшем и воспользовались члены реставрационного Конвента в 1660 г.

После казни короля власть сосредоточилась в руках “охвостья”⁵. Проводимая им политика наглядно демонстрировала, что права и привилегии перешли от монарха не к народу, а в руки узкой олигархической прослойки. “Индепенденты, – отмечала отечественный исследователь К.Н. Татаринова, – вынужденные провозгласить республику, хотя в душе они предпочитали монархию, отнюдь не собирались делать ее подлинно демократической, как этого ожидали народные массы”⁶. Постоянный рост налогового бремени, вызванный увеличением военного бюджета, дефицит продовольствия, инфляция, непопулярная аграрная и религиозная политика – все это вызывало недовольство практически всех слоев населения. Неудовлетворенность создавшейся ситуацией испытывали и представители пресвитерианского дворянства, и буржуазия, после “Прайдовой чистки” подвергавшиеся политическим притеснениям, а также офицеры, опасавшиеся, что народное недовольство спровоцирует подъем новой революционной волны. Этим воспользовался Оливер Кромвель, разогнавший “охвостье” в апреле 1653 г. и 16 декабря провозглашенный пожизненным лорд-протектором республики, что стало первым шагом к реставрации монархии.

В условиях жесточайшего политического, экономического и социального кризиса, сотрясавшего Англию в 40–50-е годы XVII столетия, возникла объективная потребность в свежих, прагматичных и эффективных идеях государственного переустройства, которые и были в изобилии предложены представителями различных слоев общества. В большинстве своем эти идеи имели форму утопических проектов, поскольку по самой своей природе социальная утопия, отрицая существующую действительность, стремится предложить более совершенные модели и схемы организации политической, экономической и социальной жизни общества. Как писал известный английский историк А.Л. Мортон, “в XVII веке в Англии появилось особенно много утопических теорий... В эпоху революции утопия глубже всего проникает в область политики и повседневные дела правительства”⁷. При этом, по его мнению, авторы утопий интересуются уже не абстрактными вопросами социальной справедливости, а “политикой в узком смысле, выработкой образцовой конституции и ее рабочего аппарата, вопросах состава и характера правительства и совершенствованием парламентского представительства... их интересуют вопросы власти”⁸. К утопической форме общественной мысли в первую очередь и главным образом обращались противники абсолютизма: идеологи буржуазии, нового дворянства и представители крестьянско-плебейских слоев общества. И поскольку в это время утопическое мышление захватывало все более широкие слои населения, “социальная утопия меняет свою литературную форму, превращаясь в трактат, памфлет, декларацию, проект конституции”⁹.

Отечественный специалист по истории Англии М.А. Барг подразделял всю социально-критическую утопическую литературу периода 1640–1660 гг. на два направления: “буржуазно-дворянское, продолжающее интеллектуальные традиции гуманизма и рационализма эпохи Возрождения, и крестьянско-плебейское, порожденное главным образом народно-реформистскими течениями пуританизма и религиозного сектант-

⁴ Цит. по: *Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И.* Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск, 2004, с. 259.

⁵ “*Охвостье*” – оставшаяся часть депутатов Долгого парламента после “Прайдовой чистки” – изгнания из него полковником Прайдом пресвитериан в декабре 1648 г.

⁶ *Татаринова К.Н.* Очерки по истории Англии 1640–1815. М., 1958, с. 125.

⁷ *Мортон А.Л.* Английская утопия. М., 1956, с. 75.

⁸ Там же, с. 75–76.

⁹ *Барг М.А.* Социальная утопия в Англии середины XVII века. – Европа в новое и новейшее время. М., 1966, с. 80.

ства”¹⁰. При этом авторы крестьянско-плебейских проектов в первую очередь ставили перед собой цели достижения всеобщего социального равенства и справедливости, и их мировоззренческие принципы находили выражение в эсхатологических, эгалитарных или кооперативных утопиях. Идеологи буржуазно-дворянского лагеря, стремившиеся завоевать и затем политически и законодательно закрепить свою власть, главным образом разрабатывали проекты государственного переустройства, пытаясь либо реформировать существующее монархическое правление, либо предложить схемы классического республиканского устройства, адаптируя их к конкретным историческим реалиям Англии середины XVII в.

К классическому образцу утопии умеренного, реформистского плана следует отнести “Славное государство Макария” (1641 г.) Самуэля Гартлиба¹¹. Общественное благополучие королевства, по убеждению автора, зиждется на развитии экономики, управляемой, помимо парламента, пятью специализированными отраслевыми советами, деятельность которых проходит без всякого вмешательства короля. В этом произведении как будто бы собраны самые сокровенные чаяния буржуазно-дворянской оппозиции периода правления двух первых Стюартов. В “Макарии” речь идет только о корректировке политического устройства общества (строй государства Макарии – конституционная монархия), но ни как не о перекраивании его классовой структуры. Вершина общественного благополучия, в видении Гартлиба, — это просвещенная буржуазно-дворянская монархия. Более того, в силу своих религиозных и эволюционистских убеждений Гартлиб искренне считал, доказывая это активной деятельностью, что процветание нации в большей степени зависит от системы воспитания и образования и от рациональной перестройки методов государственной экономики, нежели от изменения политической структуры власти.

В буржуазно-дворянской утопической мысли, наряду с ее реформистским направлением, вращенном на оптимизме первых лет революции, существовало и республиканское направление. Зародившись в Италии в эпоху Возрождения, республиканизм получил наиболее полное воплощение в трудах Николо Макиавелли, на несколько столетий ставших образцом для его многочисленных последователей и подражателей. В Англию отдельные республиканские идеи стали проникать в первой половине XVI в. Так, в 1530 г. капеллан Генриха VIII Томас Старки (1499–1538), вернувшись из Венеции, где он познакомился с Гаспаро Контарини¹² и Донато Джанотти¹³, выдвинул ряд предложений по усовершенствованию государственного устройства Англии. Англичане, по мнению Старки, должны стремиться к созданию гражданского общества и воспитанию чувства человеческого достоинства, которое было свойственно гражданам средиземноморских республик – как античных, так и современных. “Пока те, кто имеют власть и управляют государством, – писал он, – не заботятся о своей собственной выгоде или о частном благе какой-либо группы общества за счет другой, а направляют все свои советы, акты и дела к общему благу всего общества – это хороший порядок... хорошая политика”¹⁴. Старки призывал Генриха VIII пожертвовать абсолютной властью и провести конституционные реформы ради общего блага английской нации: создать так называемый “Совет четырнадцати”, который должен был функционировать между сессиями парламента и назначать членов королевского совета. Генрих VIII

¹⁰ Там же.

¹¹ *Гартлиб Самуэль* (?–1662) – англо-германский социальный реформатор, друг и сподвижник А. Коменского. В зарубежной историографии авторство “Королевства Макарии” приписывается изобретателю и инженеру из окружения Гартлиба Габриэлю Паттесу (1600–1655).

¹² *Контарини Гаспар* (1483–1542) – кардинал, выходец из знатного венецианского рода, сторонник коренной церковной реформы и примирения протестантов с католической церковью.

¹³ *Джанотти Донато* (1492–1573) – итальянский драматург, политический мыслитель и теоретик республиканизма. Автор “Флорентийской республики” (1531 г.), “Диалогов о Венецианской республике” (1540 г.).

¹⁴ Цит. по: *Сапрыкин Ю.М.* От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М., 1985, с. 90.

проигнорировал рекомендации Старки, и его предложения были благополучно забыты на несколько десятилетий.

Однако уже в последней четверти XVI в. республиканские идеи постепенно начали обретать все большую популярность, преимущественно среди представителей высшей знати. Появились переводы трудов итальянских республиканцев, в аристократической среде стало модным отправлять сыновей для обучения в Италию. Популяризации республиканских идей в конце XVI – начале XVII в. способствовали пьесы У. Шекспира и Б. Джонсона¹⁵. Тем не менее, по словам английского исследователя Б. Урдена, “гуманистические основы, на которых должен был строиться республианизм, были заложены еще до гражданских войн, но строительство его так и не началось”¹⁶.

“Золотым веком” английского республианизма стали два революционных десятилетия – 1640–1660 гг. Т. Гоббс писал, что среди противников монархии в годы революции было много людей лучшего сорта, воспитанных на чтении книг греческих и римских республиканцев, в которых “народное правление прославлялось именем свободы, а монархия поносилась именем тирании”¹⁷. Политические философы Англии середины XVII в. несколько трансформировали учение Макиавелли, исходя из исторического опыта Северной Европы и тем самым заложили основы республианизма эпохи европейского Просвещения. Их объединяло убеждение в том, что английская политическая система должна быть реформирована по образцу античных республик, устройство которых сочетало свободу, добродетель и служение общественному благу. Идеализация мира классической античности соседствовала с гуманистической по своей природе верой республиканцев в безграничность человеческих возможностей. Признавая изначально свойственные человеческой природе греховность и слабость, они одновременно восхищались добродетелью, разумом и силой, с помощью которых человек способен преобразовывать и совершенствовать окружающую его реальность.

В плеяду выдающихся республиканцев эпохи буржуазной революции входили Джон Мильтон и Мэрчмонт Нэдхэм¹⁸, но признанным родоначальником английского республианизма, его теоретиком по праву признан Джеймс Гаррингтон (1611–1677). Его “Республика Океания” (1656 г.) считается классическим образцом республиканской или, как ее принято было называть в советской историографии, “буржуазно-дворянской” утопии. Самое знаменитое из произведений Гаррингтона, “Республика Океания”, до сих пор привлекает к себе внимание исследователей¹⁹. Позаимствовав

¹⁵ *Джонсон Бэнджамин* (1573–1637) – английский поэт и драматург елизаветинской эпохи. Автор комедий “У каждого своя причуда” (1598 г.), “Вольпоне” (1605 г.), “Варфоломеевская ярмарка” (1614 г.), “Дьявол глуп как осел” (1616 г.), “Сказка бочки” (1633 г.) и трагедий “Падение Сеяна” (1603 г.), “Заговор Катилины” (1611 г.).

¹⁶ *Worden B. Marchamont Nedham and English Republicanism. – Republicanism, Liberty and Commercial Society. 1649–1776. Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994, p. 51.*

¹⁷ *Гоббс Т.* Бегемот, или Долгий парламент. – *Гоббс Т. Соч.*, т. 2. М., 1989, с. 593.

¹⁸ *Нэдхэм Мэрчмонт* (1620–1678) – известный политический деятель и мыслитель эпохи Английской буржуазной революции, главный редактор газеты “Британский вестник”. После Реставрации эмигрировал в Голландию, но, получив королевское прощение, вернулся в Англию и посвятил себя медицине. Основные труды: “Уравненные левеллеры” (1647 г.), “Превосходство свободной республики (1656 г.), “Краткая история английского восстания” (1661 г.), “Рассуждения о школах и учителях” (1663 г.).

¹⁹ См., например: *Лукашова А.Н.* “Океания” Дж. Гаррингтона в контексте идейно-политической борьбы в период Английской буржуазной революции. – *Общественная мысль и социально-политические движения в новое и новейшее время*, вып. 1. Волгоград, 1994; *Верховодов Е.В.* Буржуазные утопии и естественное право в Англии XVII в. – *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*, вып. 1(5). Нижний Новгород, 2002; *Russell S., Riklin A.* Die Republik von James Harrington, 1656. Berne, 1999; *Kubik T.R.W.* How Far the Sword?: Militia Tactics and Politics in the Commonwealth of Oceana. – *History of Political Thought*, № 19, 1998; *Hammersley R.* The Commonwealth of Oceana de James Harrington: un modèle pour la France révolutionnaire? – *Annales historiques de la Révolution française*, № 342, 2005; *Tahvanainen A.* Astronomical Language in the Republican Writing of James Harrington. – *New Perspectives in British*

ряд положений у Макиавелли, Гаррингтон сумел создать оригинальное, цельное и, самое главное, адаптированное к английским экономическим и политическим реалиям учение, которое пережило своего творца и стало неиссякаемым источником идей для мыслителей и практических политиков конца XVII – начала XVIII в.

Выход “Республики Океании” был запланирован на 19 сентября 1656 г., но напечатали ее только в начале ноября – из-за вмешательства правительства, на время конфисковавшего рукопись. За помощью Гаррингтон обратился к любимой дочери Кромвеля, убедив ее в том, что “детище его ума” – всего лишь политический роман, не представляющий опасности для государства и лично для Кромвеля. Несмотря на уверения Гаррингтона в безобидности “Республики Океании”, «некоторые круги нетерпеливо ожидали выхода в свет “Океании” как боевого политического произведения»²⁰. «Возможно, что публикация “Океании” была попыткой оказать влияние на парламент 1656 г., с деятельностью которого связывали надежды на смягчение политического курса Оливера Кромвеля», – полагал Б. Уорден²¹.

Концептуальные построения Гаррингтона являлись непосредственным результатом изучения им политического устройства античных республик и современной ему Венеции. Это позволило ему сконструировать конституционную модель, по его словам, “исключающую недостатки и охватывающую достоинства древних и современных республик”. Для Гаррингтона вообще было свойственно противопоставление древней политической мудрости современной; эту мысль он проводил не только в “Республике Океании”, но и в своих более поздних произведениях. Под древней политической мудростью он понимал политику республики, базирующуюся на народном балансе собственности и представляющую правление законов, а не людей. Гаррингтон полагал, что нет смысла заглядывать за границы источников античной мудрости, содержащих свидетельства всех достоинств, которыми может обладать республика. Это делало более глубокие исторические экскурсы и добавление чего-то иного бессмысленным. Под современной мудростью философ подразумевал политику смешанной, или “готической”, монархии Средневековья, которая “превозносилась до небес как единственное изобретение, с помощью которого можно было сохранить суверенность правителя и свободу людей”, однако, по мнению Гаррингтона, представляла собой не что иное, как “поединок между королевской властью и дворянством”²². Мыслитель был убежден в том, что “готическая” система, какими бы достоинствами она ни обладала, была построена на ложных основах и являлась одновременно нестабильной и деспотической. Она пала, поскольку утратила свою экономическую базу, и попытка ее воссоздания была бы обречена на неудачу. В свое время Средневековье похоронило республиканскую мудрость и республиканские античные ценности, а теперь, когда “готические” европейские монархии были “развалены и лишены своих основ”²³, Гаррингтон призывал современников воссоздать античную цивилизацию с ее народными республиками.

В основе теории Гаррингтона лежала мысль о том, что власть создается собственностью, другим словами, секрет стабильной и здоровой политической системы кроется в правильном соотношении политической и экономической властей. Монархия приемлема, если правителю принадлежит большая часть земель или все земли, аристократическая система допустима, если земли распределены между дворянами, демократия – если они принадлежат народу. В Средневековье, по мнению Гаррингтона, гармонии между политикой и экономикой не существовало. Окончательно эконо-

Cultural History. Cambridge, 2007; *Lurbe P.* La conception de la république dans “Oceana” de James Harrington. – Monarchie et république au XVIIe siècle. Paris, 2007.

²⁰ *Сапрыкин Ю.М.* Политическое учение Дж. Гаррингтона. Из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975, с. 62–63.

²¹ *Worden B.* James Harrington and “The Commonwealth of Oceana”, 1656. – Republicanism, Liberty and Commercial Society. 1649–1776, p. 82.

²² *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. London, 1887, p. 58.

²³ *Ibid.*, p. 234.

мические основы монархии были подорваны в период правления Генриха VII и Генриха VIII, когда были изданы законы, выпустившие монастырские владения на земельный рынок и освободившие арендаторов от вассальной зависимости по отношению к своим сюзеренам. По убеждению Гаррингтона, это предопределило ход дальнейшего развития Англии. Во-первых, законодательство Тюдоров повлекло за собой упадок знати. Лишившись поддержки короля, она начала активно распродавать земли, и в конце концов могущественные феодалы превратились в придворных. Во-вторых, освобождение от воинской повинности способствовало формированию нового слоя свободных землевладельцев, которых королевская власть хотела использовать как защиту от аристократии. Однако, как констатировал исследователь творчества Гаррингтона историк Р. Тауни, “избавившись от одной опасности, королевская власть создала такую угрозу, перед которой бледнели могущественные бароны прошлых веков”²⁴.

В результате, заключал Гаррингтон, уже к 1650 г. количество земель во владении народа превысило количество земель во владении аристократии и духовенства, составив девять десятых от общего земельного фонда, и преимущество стало народным. Нестабильность английской политической системы в начале XVII в. и гражданские войны, подчеркивал он, были вызваны дисбалансом между перераспределением земельной собственности и ограниченной властью палаты общин, демократического компонента “готической” политической системы. Карл I, “настолько же упрямый в спорах, насколько ослабела сила монархии”²⁵, подверг монархию несвоевременной проверке и обнаружил ее полную несостоятельность. Гаррингтон предостерегал Кромвеля: если он попытается стать “новым монархом”, то сделает точно такое же открытие.

По мнению Гаррингтона, в Англии середины XVII в. противоречие между распределением собственности и государственной формой правления продолжало существовать и устранение этого несоответствия могло бы стать ключом к решению острых политических, экономических и социальных проблем. Главное достоинство своей конституционной модели Гаррингтон усматривал в том, что в ее основе лежал баланс земельной собственности, сложившийся в Англии ко времени написания “Океании”. Более того, как яркий сторонник античной мудрости, основанной на законе, он продумал специальные законодательные механизмы, способные сделать его идеальную республику вечной. Подход Гаррингтона разительно отличался от подхода Макиавелли, убежденного в цикличности истории и рассматривавшего процветание и благо республики как преходящие явления. Нестабильность и уязвимость итальянских республик его времени навели Макиавелли на мысль о том, что такие республики бессильны перед судьбой до тех пор, “пока не найдется человек, который будет настолько ярким поклонником античности, что сможет контролировать судьбу, не давая ей при каждом удобном случае, при каждом повороте солнца показывать свою мощь”²⁶.

Гаррингтон же предложил способ, с помощью которого добродетельное правительство не просто сможет пережить кризисные периоды, но и приобретет стабильность и постоянство. Прочность своей модели Гаррингтон обеспечивал посредством двух мер. Первая – ограничение владения земельной собственностью, приносящей ренту выше 2 тыс. фунтов в год. Введение этого положения предполагалось проводить постепенно. Для крупных собственников должна была быть отменена система единого наследия (майората) и земля по завещанию разделялась бы среди сыновей или поровну, или так, чтобы земельная рента старшего сына не превышала 2 тыс. фунтов в год. Таким образом, по расчетам мыслителя, в его республике сформируется около 5 тыс. собственников. “Это число землевладельцев Гаррингтон считал вполне достаточным, чтобы предохранить аграрный закон от нарушения, а государство от восстановления

²⁴ *Tawney R.H. Harrington' Interpretation of His Age. – Changing Culture in Seventeenth England. London, 1994, p. 211.*

²⁵ *Harrington J. Op.cit., p. 60.*

²⁶ Цит. по: *Worden B. James Harrington and “The Commonwealth of Oceana”, 1656, p. 88.*

монархии»²⁷, – писал Ю.М. Сапрыкин. Дальнейшее разукрупнение состояний, полагал Гаррингтон, будет противоречить интересам этого достаточно большого числа землевладельцев и поэтому вызовет их активное сопротивление, а увеличение земельных наделов за счет выкупа земли у простого народа (йоменов) может привести к подрыву системы формирования армии. Таким образом, его по мнению, будет сформирована устойчивая экономическая база для долгосрочного существования республиканской формы правления.

Второй мерой с целью сделать республику долговечной Гаррингтон называл создание детально разработанного конституционного аппарата (в качестве основы он взял опыт Венецианской республики), способного уменьшить склонность людей к коррупции и интригам. В основе этой программы лежал принцип ротации, или “изящного чередования”. Идея ротации была широко распространена в республиканских кругах. “Если человек никогда не был патриотом, то, задержавшись у власти, он не сможет сопротивляться собственному “я”, толкающему его к исполнению собственных прихотей; с другой стороны, если бы он вскоре должен был вернуться в прежние условия, одинаковые для него и его братьев, личный интерес не склонял бы его ни к чему, кроме того, что справедливо и допустимо”, – писал Нэдхем²⁸. Гаррингтон, обеспокоенный тем, что правители слишком долго задерживаются у власти, выдвигал идею постоянных репрезентативных органов со сменяющимся составом, в которых треть членов будет замещаться каждый год. Однопалатное “охвостье”, чье правление было настолько необычным, что “ни античная, ни современная мудрость не имела примеров, могущих оправдать его существование”²⁹, Гаррингтон предлагал заменить Сенатом и Народным собранием, контролирующими и уравновешивающими друг друга. Избирательные права предоставлялись лицам, обладающим движимой и недвижимой собственностью. Они разделялись на две группы: “всадники”, получающие доход от 100 фунтов в год, и “пехотинцы”, чей ежегодный доход был ниже указанной суммы. В обязанности Сената, состоявшего из “всадников”, входило составление законопроектов, а Народное собрание, представлявшее интересы “пехотинцев”, должно было голосовать за эти законопроекты. При этом “прения” отделялись от “решения”: Сенату запрещалось голосовать за законопроекты, которые он разрабатывал, а Народному собранию запрещалось участвовать в прениях по законопроектам, за которые они голосуют. Следовательно, два репрезентативных органа были защищены от посягательства на полномочия друг друга. Таким образом, Гаррингтон уравновешивал “мудрость” меньшинства – Сената и “интересы” большинства, представленного Народным собранием.

Такой баланс аристократического и демократического элементов обеспечивал стабильность власти. Именно в разделении властных полномочий: “Сенат предлагает, народ решает, а магистраты выполняют”³⁰ — и заключалась цементирующая связь республиканской политической конструкции Гаррингтона и суть демократии его республики. Конечно, как справедливо отмечал Ю.М. Сапрыкин, не могло «быть никакого правового равенства между “пехотинцами” и “всадниками”, так как последние должны были занимать большинство должностей центрального и местного самоуправления, и даже Народная Ассамблея должна была состоять почти на 2/5 из них»³¹. В этом историк усматривал “глубокий антидемократизм”, пронизывающий политические взгляды и концепцию Гаррингтона, отмечая, что «конституция “Океании” создавалась с таким расчетом, чтобы крепче обуздать народные массы посредством республиканской формы правления»³².

²⁷ Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона. – Средние века, 1954, вып. 5, с. 233.

²⁸ Worden B. James Harrington and “The Commonwealth of Oceana”, 1656, p. 89.

²⁹ Harrington J. Op. cit., p. 69.

³⁰ Ibid., p. 39.

³¹ Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона, с. 242.

³² Там же.

Однако, абстрагируясь от идеологических пристрастий, следует отметить исключительную целостность мировоззрения Гаррингтона: он выступал и как идейный представитель интересов крупной буржуазии и нового дворянства, пришедших в результате революции к реальной власти, и как политический философ, пытавшийся развить и адаптировать к реальным политическим условиям основные положения республиканизма Макиавелли. Во-первых, так же как античные мыслители и республиканцы XVII в., он считал, что народом признаются только свободные граждане и собственники имущества, а мнение слуг и зависимых бедняков можно не принимать во внимание. Во-вторых, философ отвергал мысль о том, что люди изначально равны в умственном и физическом отношении. В любом обществе, как и в любом стаде животных, существует “естественная аристократия ума и способностей”, полагая он, которая должна править, и “естественная демократия”, которая должна подчиняться. По сути, идеи Гаррингтона воплощали Цицероновский идеал правильно организованной республики, когда массы довольны властью вельмож. Его “Океания” реально управляется “истинной и естественной аристократией”, руководствующейся демократическими принципами равенства, которое “есть рождение, жизнь и дух республики”³³.

Заслугой Гаррингтона было и то, что он кардинально модифицировал гуманистическое понимание взаимосвязи между человеческими интересами и действиями власти. Гуманисты традиционно противопоставляли эгоистические личные мотивы и альтруистические общественные начала, призывая людей подавить первые в стремлении ко вторым. Гаррингтон считал личные мотивы не эгоистическими, а естественными. Он призывал не подавлять, а рационально использовать их в целях достижения общественной добродетели и реализации общественных интересов. “Если брать людей по отдельности, обнаруживается масса личных интересов, но если взять всех людей вместе, можно увидеть общественный интерес; общественный интерес республики наиболее близок к общечеловеческому, который и является правильным мотивом”, – писал он³⁴. Следовательно, философ рассматривал инстинкт как природную функцию и мудрость Божью, подталкивающую людей к удовлетворению своих истинных потребностей. Системы же правления, считал он, должны быть устроены таким образом, чтобы “заставить любое существо избавиться от тех склонностей, которые отвечают личным интересам, и компенсировать их теми, которые относятся к общественным благам и интересам”³⁵.

Гаррингтон подкреплял этот принцип своим знаменитым примером о двух девочках, делящих пирог: “Дели, – говорит одна другой, – а я выберу, или дай я разделю, а ты выберешь”³⁶. Его детально разработанный конституционный аппарат был предназначен для того, чтобы сделать государственную политику периодическим воспроизведением такого поведенческого стиля. В представлении Гаррингтона, политика – это общественное прогнозирование войны между разумом и желанием в душе человека и, соответственно, между их общественными продуктами – добродетелью и пороком. “Если свобода человека – в господстве разума, отсутствие такового сделает его рабом страстей. Так и свобода республики состоит в господстве законов, а их отсутствие сделает ее рабой желаний тиранов. В этом я вижу принципы, на основе которых Аристотель и Ливий построили свое убеждение, что республика – это власть законов, а не людей”, – отмечал он³⁷.

Таким образом, Гаррингтон предусмотрел все, чтобы обеспечить своей идеальной республике максимально долгое, если не вечное существование. Неслучайно он, верный последователь античных философов, ценил в общественной жизни прежде

³³ *Harrington J. Op. cit.*, p. 183.

³⁴ *Ibid.*, p. 25.

³⁵ *Ibid.*, p. 28–29.

³⁶ *Ibid.*, p. 29.

³⁷ *Ibid.*, p. 26.

всего мир и спокойствие, опасаясь “волнений”, “несдержанности”, “потрясений”, “новшеств или бурного развития”. В отличие от Макиавелли и других республиканцев Гаррингтон был противником социальных и гражданских конфликтов, якобы очищающих от конституционного зла, обостряющих чувства людей и подкрепляющих их стремление к свободе. Вместо этого он возвращался к классическому идеалу Аристотеля, Полибия, Цицерона – идеалу гармоничной конституционной системы, которая при сбалансированном сочетании форм правления препятствует возникновению политических и социальных беспорядков. Гаррингтон неоднократно подчеркивал, что он не является разжигателем страстей и мятежником и что здоровье республики определяется не энергичностью, а долговечностью. В то же время он высоко ценил не только гражданскую, но и военную добродетель. В основу его избирательной системы был положен принцип формирования войск, выполняющих свой гражданский долг, “защищая родину и справедливость до последней капли крови”³⁸.

Наличие милиционной армии³⁹ не только становилось гарантией защиты государственного строя, но и создавало потенциальные возможности для колонизации новых территорий. Гаррингтон, которого Ю.М. Сапрыкин называет “одним из апологетов и пророков создания английской колониальной империи”⁴⁰, полагал, что для государства, осуществляющего справедливый прогресс, законно иметь провинции и колонии. Более того, в его работах прослеживалась мысль о божественной миссии Англии, заключающейся в том, чтобы “распространять орудие республики, как Божью благодать, по угнетенному миру”⁴¹ и принести гражданскую свободу и свободу сознания. “Так что спрашивать, законно ли для республики стремление к господству в мире, это все равно, что спросить, законно ли исполнять свой долг и делать мир лучше, чем он был до этого”, – заключал Гаррингтон⁴². Но и для провинций, и для колоний мыслитель считал необходимым последовательно проводить политику земельного баланса, адаптируя ее, в частности для Шотландии и Ирландии, посредством установления величины предельной земельной собственности с учетом политических и социальных условий, сложившихся в этих провинциях⁴³.

Гаррингтону удалось подметить взаимосвязь развития деревни и города. Установление в “Океании” ограничения величины земельной собственности препятствовало притоку капитала в деревню и фактически ограничивало сельское население, что косвенным образом способствовало росту городского населения и, соответственно, развитию промышленности и торговли. Развитие сельского хозяйства являлось преимуществом английской экономики XVII в. перед ее главным конкурентом – Голландией, основой благосостояния которой была по преимуществу посредническая торговля. Философ справедливо считал, что наличие рационально организованного сельского хозяйства и собственного мануфактурного производства дает возможность производить и торговать национальным товарным продуктом, а это формирует прочный экономический фундамент государства.

В год публикации “Океании” парламент предложил Оливеру Кромвелю принять королевский титул, а 1659 г. в политических верхах уже открыто заговорили о целесообразности реставрации Стюартов. А.Л. Мортон так характеризовал период 1658–1660 гг.: “Для того, чтобы придать своему правлению какую-ту видимость законности, генералитет вновь собрал остатки Долгого парламента. Не прошло и нескольких месяцев, как он был распущен, а затем снова созван. Сама армия стала распадаться на

³⁸ Ibid., p. 209.

³⁹ *Милиционная армия* – армия, в которой воинские части в мирное время состоят только из учетного аппарата и немногочисленных кадров командного состава; весь переменный рядовой состав и часть командного состава приписываются к воинским частям, расположенным в районе их места жительства.

⁴⁰ Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона, с. 234.

⁴¹ Harrington J. Op. cit., p. 235.

⁴² Ibid., p. 241–242.

⁴³ Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона, с. 234–236.

группы, причем каждый генерал действовал по-своему. Республика погибла в вихре конфликтов и раздоров”⁴⁴. В реальности английская республика уже давно лишилась общественной опоры и существовала в форме военной диктатуры, державшейся на силе армии и личном авторитете Кромвеля. После недолгого пребывания у власти его слабовольного сына Ричарда, которого прозвали “Незадачливым Диком”, Англия была официально провозглашена республикой, но это не могло серьезно повлиять на сложившуюся внутривластную и экономическую ситуацию. “Опыт Второй республики (особенно конца ее), – отмечала отечественный исследователь Т.А. Павлова, – это осознание английскими собственниками неустойчивости республики, ее неспособность обеспечить стабильность новых отношений, обезопасить их от народных мятежей. С другой стороны, и беднейшие слои народа не в меньшей мере осознали нежелание республики что-либо предпринимать для облегчения их положения”⁴⁵. В стране царил разруха и голод, вызванные неурожаем; росли налоги; война с Испанией привела к застою в ряде отраслей экономики, что отражалось на беднейших слоях населения; серьезные финансовые затруднения возникли в результате завоевательной внешней политики. Англия погружалась в анархию, королевская власть представлялась уже не инструментом тирании, а оплотом порядка и общественной стабильности, и «возврат к “охранительной” политике Стюартов казался какой-то части народа якорем спасения»⁴⁶. Тем не менее республиканские настроения в обществе были еще достаточно сильны. Возможно, именно их результатом и стало создание нескольких трактатов и памфлетов республиканской направленности.

Одной из последних утопий, идейно близких к республиканской концепции земельного баланса Гаррингтона, был вышедший в июле 1659 г. трактат “Хаос”. Его анонимный автор высказывал обеспокоенность тяжелым положением Англии, но в то же время не оставлял надежды, что появится мудрый законодатель, который восстановит общественную стабильность. “Все перевернулось с ног на голову... хвост дает указания голове, и нигде так не нуждаются в новом Солоне”⁴⁷, – с горечью писал он, без ложной скромности выставляя свою кандидатуру на вакантное место легендарного афинского законодателя⁴⁸. В основу предлагаемого им проекта, направленного на комплексное решение стоящих перед Англией политических, экономических и социальных проблем, был взят принцип строгого учета земельной собственности, для чего намечалось создание сети специальных регистрационных канцелярий. Дополнительно в компетенции таких канцелярий входила бы запись актов гражданского состояния (рождения, бракосочетания и смерти), регистрация завещаний, любого рода финансовых сделок и договоров найма работников. При этом земельная собственность с годовым доходом от 10 до 100 фунтов, а также сделки и долги, не превышающие вышеуказанную сумму, регистрировались бы в приходских канцеляриях; земля, приносящая доход от 100 до 1 тыс. фунтов, и долговые обязательства на эту же сумму – в канцеляриях графств, а все права земельной собственности и финансовые операции на сумму, превышающую 1 тыс. фунтов, следовало оформлять в Национальной канцелярии в Вестминстере. Чиновники-регистраторы должны были назначаться парламентом, их состав планировалось обновлять каждые три года, а вред, намеренно или неумышленно причиненный клиентам, компенсировался бы из их кармана. Полученная таким образом детальная картина экономической и социальной жизни страны, по мнению автора, должна была способствовать справедливому распределению налогового бремени, уменьшению количества финансовых махинаций и судебных тяжб и, соответственно, укреплению основ гражданского правопорядка.

⁴⁴ *Мортон А.* История Англии. М., 1950, с. 229–230.

⁴⁵ *Павлова Т.А.* Вторая английская республика. 1659–1660. М., 1974, с. 188.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Солон* (640–560 гг. до н.э.) – афинский политик, поэт; после назначения архонтом в 594 г. до н.э. успешно провел политические и экономические реформы в Афинах.

⁴⁸ Цит. по: *Davis J.* Utopia and the Ideal Society. A Study of Utopian Writing 1516–1700. Cambridge, 1981, p. 245.

Параллельно с созданием сети регистрационных канцелярий автор намеревался коренным образом реформировать судебную систему Англии посредством введения приходских и провинциальных судов, в которых рассматривались бы гражданские и уголовные дела с исками не более 1 тыс. фунтов. Любопытно, что налагаемые судом штрафы предлагалось распределять между потерпевшим и городской казной, а третью часть направлять на ремонт дорог. Если же финансовое состояние осужденного не позволяло ему выплатить компенсацию, то его помещали в работный дом и часть его зарплаты шла на погашение долга. Институт мировых судей сохранялся, но с принципиально новыми функциями: судьи должны были собираться раз в месяц в присутствии шерифов графств и церковных старост и выслушивать жалобы на регистрационные канцелярии. Таким образом, создав многоступенчатый административный аппарат из чиновников-профессионалов, автор ставил их под контроль людей, для которых юриспруденция была не профессией, а своего рода хобби.

Главным законодательным органом страны планировалось сделать однопалатный парламент, а исполнительным – Государственный Совет. Последний должен был состоять из 40 членов парламента, причем, согласно принципу ротации, каждые шесть месяцев половина состава обновлялась. Также для удобства работы из числа депутатов и членов Государственного Совета избирались четыре комитета. Так, Комитет Жалоб рассматривал прошения и петиции от граждан, и, подчеркивал автор, этот процесс следовало сделать максимально оперативным, так как малейшее промедление “захлопнет двери справедливости прямо перед носом несчастных просителей”⁴⁹. Еще один комитет заведовал армией и флотом, третий – вопросами налогообложения, а четвертый – внешнеполитической сферой. Автор считал нужным сохранить титулярную систему, но предельно упростил ее: так, лица с ежегодным доходом от 10 тыс. фунтов приравнивались к лордам, доход в 1 тыс. фунтов давал рыцарское звание, а 300 фунтов в год позволяли причислить себя к эсквайрам.

Особое внимание автор “Хаоса” уделил проработке аграрного закона, сделав его гораздо более радикальным, чем у Гаррингтона. Право старшего сына на наследство упразднялось, и он получал такое количество земли, рента с которой не превышала 100 фунтов в год (у Гаррингтона высший предел равнялся 2 тыс. фунтов), оставшаяся же часть собственности умершего делилась между прочими наследниками в пропорциях, но так, чтобы она составляла тоже не более 100 фунтов. Наряду с этим планировалось ограничить в деревне влияние крупных лендлордов посредством повсеместного упразднения копигольда и замены его фригольдом, а также прекратить деятельность манориальных курий⁵⁰. По всей вероятности, столь очевидные эгалитарные намерения автора были обусловлены попыткой создать более широкую электоратную базу своему проекту.

Кроме общей идеи земельного баланса, создатель “Хаоса” позаимствовал у Гаррингтона положение о ношении оружия как о неотъемлемом атрибуте истинного гражданина и восприятие постоянной армии в качестве угрозы общественной безопасности. В его проекте специально оговаривалось, что офицеры (как представители постоянного состава) милиционной армии не имеют права баллотироваться в парламент. По-видимому, это было связано с тем, что кромвельские офицеры настолько дискредитировали себя за годы пребывания у власти, что слово “армия” стало синонимом тирании и беззакония. Еще в 1649 г. Дж. Лильберн в памфлете “Новые цепи Англии” писал: “С того времени, как офицеры встали у власти, только увеличились злоба, ненависть и вражда, которые породили наши прошлые несчастные разногласия... они делают лишь то, что ведет к озлоблению народа, этому источнику беспорядков, бедности и нищеты”⁵¹.

⁴⁹ Ibid., p. 249.

⁵⁰ Манориальная курия – поместный суд, в котором разбирались дела копигольдеров.

⁵¹ Лильберн Дж. Вторая часть Новых цепей Англии. – Лильберн Дж. Памфлеты. М., 1937, с. 87.

Идея земельного баланса Гарринтона, но без ее республиканской направленности, была использована и Уильямом Сприггом (1633–1701), автором напечатанного 28 сентября 1659 г. трактата “Скромное прошение о равной республике”. Это произведение являлось своеобразной реакцией на продолжающееся углубление внутривнутриполитического кризиса, а также отражало личностное авторское неприятие абсолютизма и страх перед грядущей Реставрацией. Автор подверг критике не только институт ненаследственной монархии, но и то, что, по его мнению, являлось ее неизменными атрибутами – надменную аристократию, “передающую по наследству титулы, но не добродетели”, невежественное и алчное духовенство, бессовестных юристов, “подобно египетской язве, покрывших лицо земли”⁵².

Анализируя сложившуюся в Англии ситуацию, Спригг признавал, что положение дел значительно хуже, чем может показаться на первый взгляд, и сетовал на упадок торговли, рост безработицы и нищеты. Однако восстановление монархии, по его мнению, это не выход, так как монархия является непреодолимым препятствием к свободе и счастью нации. Вообще, неприязнь автора памфлета к абсолютизму была настолько велика, что он утверждал, будто бы слово “king” (король) ведет происхождение от прилагательного “cunning” (хитрый, коварный)⁵³. Столь же негативно относился Спригг и к конституционной монархии: «Если монарх или другое “главное лицо” в королевстве (намек на протекторат Кромвеля. – И.Э.) не управляет, зачем эта должность?»⁵⁴.

Для того чтобы обосновать политическую неустойчивость монархического государственного устройства, Спригг обращался к теории баланса земельной собственности. В отличие от Гарринтона, относившего начало перераспределения английских земель ко времени правления Генриха VII, памфлетист перекладывал ответственность за утрату королевских прерогатив целиком на Генриха VIII. По мнению Спригга, секуляризация монастырских земель и их массовая распродажа знати, пэрам и джентльменам принесла сиюминутную политическую и экономическую выгоду, но тем самым король лишил себя и своих потомков возможности контролировать треть английских земель и упрочить свое политическое влияние. Король не мог предугадать, что в течение жизни двух последующих поколений значительная часть земель из рук знати перейдет в собственность средних дворян, купцов и йоменов. Таким образом, действия Генриха VIII привели к тому, что в стране заметно увеличилось количество людей, экономически независимых от королевской власти и, как следствие этого, “возросла склонность к республиканской форме государственного устройства”⁵⁵.

Однако если Гарринтон использовал установление земельного баланса в качестве механизма, препятствующего как чрезмерному росту земельной собственности, так и ее дроблению, то Спригг предлагал ввести аграрный закон, который ограничивал бы размеры собственности и обязывал землевладельцев “добровольно отдавать излишки своим беднякам – родственникам или кому пожелают или... избавляться от них каким-либо иным путем”⁵⁶. Другими словами, основной целью автора “Скромной просьбы о равной республике” являлось примитивное уравнивание земельных состояний. Если бы не его намерение провести аграрный закон через парламент и реализовывать его постепенно в исторической перспективе, то в идейном смысле этот трактат можно было бы отнести к эгалитарным крестьянско-плебейским утопиям невысокого уровня.

Отсутствие у Спригга хорошего образования, его оторванность от реальной политической жизни обусловили упрощенческую проработку и схематичность предлагаемых им (в отличие от Гарринтона и даже от анонимного автора “Хаоса”) проектов политического устройства республики. Спригг ограничился тем, что набросал предельно схематичные общие установки, преимущественно позаимствованные из “Рес-

⁵² *Davis J.* Op.cit., p. 256.

⁵³ *Ibidem.*

⁵⁴ *Ibidem.*

⁵⁵ *Ibid.*, p. 257.

⁵⁶ Цит. по: *Павлова Т.А.* Народная утопия в Англии XVII века. М, 1998, с. 37.

публики Океании”. Так, признавая необходимость аграрного закона и отмены майората, он не приводил никаких цифр и расчетов. Считая, что нужно зарегистрировать всю земельную собственность, он не оставил даже намека на то, как будет проходить процедура регистрации. А рассуждая о необходимости реформирования английского законодательства, Спригг в довольно абстрактных выражениях заявлял, что “законы – это не что иное, как чистый разум, покоящийся на слове Божьем”, и что действующие законодательные нормы “должны быть упрощены до такой степени, чтобы люди могли самостоятельно толковать их, не прибегая к помощи юристов”⁵⁷.

Подобно Гаррингтону, Спригг скептически относился к институту ограниченной монархии и уверял современников, что ее окончательное крушение откроет дорогу республиканскому строю – более справедливому и соответствующему распределению земельной собственности. Как и Гаррингтон, он был убежден, что Бог – основа всех его идей, а ход истории направляется рукой Божьей. “Бог, – обращался к членам парламента Спригг, – поместил нацию в ваши руки, как кусок воска, и вы можете придать ему любую форму. Англичане – как *tabula rasa*, и вы можете начертать любые письмена и вести нас вперед к царству Божьему, к святой республике, а не назад, к прогнившей насквозь монархии”⁵⁸.

Краткий анализ идейного содержания трактата Спригга доказывает абсолютную чужеродность этого произведения буржуазно-дворянским утопиям предреставрационного периода. Это дает основание согласиться с Т.А. Павловой, относящей данный трактат, даже несмотря на “разночинное происхождение” его автора, к числу эгалитарных крестьянско-плебейских утопий⁵⁹.

Завершающим аккордом в развитии республиканского направления в буржуазно-дворянской утопии 1640–1660 гг. стал трактат Джона Мильтона “Скорый и легкий путь к установлению свободной республики”. Он был напечатан в феврале 1660 г., а второе издание вышло в 20-х числах апреля, когда всем уже было понятно, что реставрация Стюартов – всего лишь вопрос времени. Так же, как в свое время “Океания” Гаррингтона, “Скорый и легкий путь” был приурочен к выборам в парламент, членов которого Милтон пытался убедить в том, что в их руках – уникальная возможность “создать и увековечить свободную республику без лишних усилий и досадных проволочек”⁶⁰. С точки зрения Мильтона, добровольно вернувшись к монархической форме правления, англичане стали бы “посмешищем для всей Европы”, уподобившись “глупому каменщику, который возвел стены, но забыл о крыше”⁶¹. “Как можно, – гневно восклицал Милтон, – своими руками отдать свободу, во имя которой выигрывались неистовые битвы и проливалась кровь наших славных соотечественников?”⁶². Автор открыто сожалел об упущенных в 1649 г. возможностях: “Когда монархия была упразднена, следовало незамедлительно начать строительство республики, немедля перейти к новому государственному строю, чтобы люди вскоре могли почувствовать удовлетворение от порядка, покоя и благополучия; к этому времени мы бы избавились от страха перед переменами и процветали бы”⁶³. Его преданность республиканским идеалам подогревалась ненавистью к монархии с такими ее неизменными атрибутами, как “развращенные придворные, предающиеся самому разнузданному веселью на балах и маскарадах, тратящие государственные доходы на деликатесы и изысканные вина и без стыда и совести раболепствующие перед королем”⁶⁴.

Милтон критиковал и английский парламент, по его меткому выражению, ставший плацдармом для “бессмысленной и непрекращающейся битвы между гражданскими

⁵⁷ *Davis J. Op.cit.*, p. 261.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 260.

⁵⁹ *Павлова Т.А. Указ.соч.*, с. 38.

⁶⁰ *Milton J. Op. cit.*, p. 783.

⁶¹ *Ibid.*, p. 785.

⁶² *Ibid.*, p. 786.

⁶³ *Ibidem.*

⁶⁴ *Ibid.*, p. 786–787.

правами и королевскими прерогативами”⁶⁵. Мыслитель полагал, что только общины имеют право называться народными представителями, но, смешиваясь с теми, кого он именовал “придворной партией”, они либо превращаются в их сторонников и проводников королевской политики, либо, проявляя твердость характера и стойкость убеждений, оказываются распушенными. Таким образом, парламент, в видении Мильтона, предстал не одним из ключевых компонентов древней английской конституции, а малоэффективным политическим учреждением, придатком к институту монархии, не обладающим самостоятельными функциями. Не менее скептически Милтон относился и к популярному в республиканских кругах тезису об оптимальности сменяемых парламентов. “Я не понимаю, какая польза может быть от сменяемых или временных парламентов, которые не устанавливают свободное правительство, а скорее, расшатывают его основы... Не находя более существенных занятий, они будут отменять и изменять старые законы, или изобретать новые; они будут без усталы изыскивать ошибки и просчеты своих предшественников, устраивать заседания по поводу или без оного до тех пор, пока не похоронят закон под грудой нелепых и бессмысленных статутов”, – писал он⁶⁶.

В проекте идеальной республики Мильтона в качестве альтернативы традиционным политическим институтам предлагалось создание единого Верховного совета мудрейших. Состав совета формировался в ходе многоступенчатых выборов, и для того, чтобы в республике не возобладало “грубое большинство”, избирательное право ограничивалось высоким имущественным цензом. В полномочия совета входило координирование морских и сухопутных военных сил, создание законов, ведение вопросами налогообложения и внешней политики. Причем, по глубокому убеждению Мильтона, противника часто меняющихся парламентов, состав совета должен был быть постоянным и обновляемым только в связи со смертью одного из “мудрейших” или предъявлением ему обвинения в совершении противоправного действия. В административном отношении республика Мильтона делилась на графства (провинции), каждое из которых “представляло собой маленькое государство”⁶⁷. То есть, каждое графство являлось автономным образованием, обладающим политической, экономической, юридической самостоятельностью, сконцентрированной в руках знати и состоятельного джентри. Таким образом, по выражению Мильтона, графствам “дарована свобода, и если они неправильно ей распорядятся, то им некого будет винить, кроме самих себя”⁶⁸. Проект предусматривал также создание в графствах сети “школ и академий, в которых дети будут получать достойное образование, обучаясь не только грамматике, но и разнообразным свободным искусствам. Это, – продолжал Милтон, – способствовало бы скорейшему распространению культуры и знаний по всей стране, в том числе и в тех ее частях, которые пребывают в унылом запустении, что сделало бы нацию более трудолюбивой и искусной дома, а также благородной и могущественной в глазах соседей”⁶⁹.

Любопытно, что непосредственно проект республики занимал незначительное место в трактате. Большую его часть составляли критика монархии и рассуждения относительно целесообразности разделения светской и духовной властей и религиозной свободы. Поражает и искренняя вера Мильтона в существование естественной аристократии, чья врожденная добродетель и мудрость позволяют ей управлять народными массами. Эта вера простиралась так далеко, что, в отличие от более осторожного и трезвомыслящего Гаррингтона, Милтон готов был вручить бразды правления единожды избранному, не подверженному коррупции совету, деятельность которого якобы обеспечит республике вечное существование вплоть до прихода Мессии. Утопичность

⁶⁵ Ibid., p. 789.

⁶⁶ Ibid., p. 791.

⁶⁷ Ibid., p. 795.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Ibidem.

его плана подтверждается и тем обстоятельством, что оптимальным для создания республики он посчитал тот момент, когда, по справедливому замечанию Гаррингтона, “девять человек из десяти выступали за возвращение монарха и возрождение древней конституции”⁷⁰.

Ознакомившись со “Скорым и легким путем”, Гаррингтон откликнулся на него 16-страничным трактатом, опубликованным 26 марта 1660 г. Заранее извинившись за “излишнюю резкость выражений”, Гаррингтон заявил, что “с глубоким прискорбием обнаружил в столь мудром и образованном человеке удручающее невежество в вопросах, касающихся природы государства и принципов его устройства”⁷¹. Гаррингтон писал, что его неприятно удивило отсутствие в трактате хотя бы “одного слова о балансе собственности, ротации и аграрном законе, без которых не может быть и речи о создании свободной республики”⁷². Он именовал творение Мильтона утопией, употребляя это слово с негативным оттенком, и искренне поражался, “как можно было додуматься до того, чтобы отдать гражданские свободы в руки олигархического правительства с неограниченными по времени властными полномочиями. Я аплодирую, – язвительно продолжал он, – силе Вашего воображения, допустившей, что наши благородные патриоты, получив подобную власть, мгновенно забудут о личных интересах и начнут действовать исключительно ради общего блага”⁷³. В результате Гаррингтон приходил к неутешительному для Мильтона, но закономерному заключению, что его трактату более приличествовало бы название “Скорый и легкий путь к установлению рабства”⁷⁴.

* * *

Охарактеризованные выше произведения революционного периода 1640–1660 гг. в Англии, несмотря на свою утопичность, содержали много плодотворных политико-философских, экономических и социальных идей. Это – влияние распределения собственности на форму государственного устройства; необходимость законодательного ограничения концентрации собственности, разделения законодательной и исполнительной властей, подконтрольности силовых структур законодательной власти; возможность политического и социального реформирования общества в условиях свободного предпринимательства и с использованием достижений научно-технического прогресса.

В потенциальной возможности реализации этих идей в исторической перспективе, в их направленности на решение общественно значимых, актуальных политических, экономических и социальных проблем и заключалась креативность республиканских и реформистских буржуазно-дворянских утопий 1640–1660 гг., обусловившая их влияние на общественно-политическую мысль эпохи Реставрации и Раннего Просвещения.

⁷⁰ *Worden B.* “Oceana”: Origins and Aftermath. – Republicanism, Liberty and Commercial Society. 1649–1776, p. 132.

⁷¹ *Harrington J.* The Censure of the Rota upon Mr. Milton’s Book Entitled “A Ready and Easy Way to Establish a Free Commonwealth”. London, 1660, p. 15.

⁷² *Ibid.*, p. 14.

⁷³ *Ibid.*, p. 15–16.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 16.